

Книжное обозрение

в „землянках“ Эрнста Перошона¹

Вступление обманчиво: солдат Северин возвращается домой. Но это не военный роман.

Детство Северина, приведенное автором на первых страницах романа, банально. Сотни и сотни таких историй давно пересказаны во французской литературе: честный, но бедный отец, пьяница и работяга. Страдающая мать, преждевременная смерть которой повергает семью в еще большую нужду.

Все это не ново. На страницах одного только Золя можно найти богатый выбор типажа для того, чтобы изобразить подобное детство, не выходя из писательского кабинета. В картинах нужды, воспроизведенной Перошоном, больше литературной традиции, чем подлинных наблюдений действительности.

Деревня холодно встречает полузабытого ею Северина. Северину не по себе, читатель готов сочувствовать одиночеству бывшего батрака, но тут оскорбленное чувство обретает уютный уголок: Северина по-родственному обласкала семья мельника, прежнего его хозяина. У мельника Северин остается батрачить.

Первая подтема завершена — подтема патриархальных взаимоотношений батрака с работодателем.

Разворачивается мотив номер два, тоже порядком поношенный. Это — мотив о двух женщинах, порочной и невинной. Небезынтересно — для характеристики автора, — что порочной оказывается батрачка, а невинной — дочь мельника. Легко угадать, что истинную любовь Северин испытывает ко второй, хотя он не отказывается и от взаимности батрачки. Как полагается в добропорядочной балладе о пастухе и принцессе, «он решил про себя, что не может быть ничего общего между простым парнем и дочерью мельника». «Он ощущал ее нравственную чистоту и был слишком горд, чтобы воспользоваться ее неопытностью».

Его поведение в отношении батрачки менее утонченно, и автору, повидимому, это представляется делом естественным: давно «установлено» буржуазной литературой, что переживания гораздо более поверхностны и грубы у пролетариев, нежели у принцесс, миллионеров и мельничих.

Далее следует разорение мельничихи. Очень любопытно, что разорится она по всем правилам старинного романа — из-за нечестного нотариуса, сбжавшего с деньгами и любовницей. Можно подумать, что действие романа отдалено от нас лет на сто. Если кто-либо предполагает, что за разорение мелких предпринимателей во французской деревне ныне

отвечает финансовый капитал — он может из романа Перошона убедиться в полном своем заблуждении.

Для нас, впрочем, судьбы мелких предпринимателей представляют в этой статье меньший интерес, нежели тот факт, что автор замалчивает, имея конкретного виновника зла.

Разоренная мельничиха встречает своего бывшего батрака и отдает ему руку и сердце.

Так кончается первая часть романа. В ней много тщательно отделанных любовных сценок, являющихся коньком французской литературы, много продуманных образов и нарочитой растроганности. Роман пропитан покорной грустью. Но это не волнение — это аффектация. Прочувственность, как стиль, — это хо-роший тон французской буржуазной литературы, это те ходули, на которые она охотно становится, когда хочет апеллировать к массам.

Язык романа в меру отлакирован.

Отполированность языка, изящество образов свойственны всем вообще фельетонам буржуазных газет. Но это всегда одна и та же полировка, одни и те же образы. Общность литературных приемов свойственна всей французской литературе последних лет. Зачастую бывает трудно различить авторов. Это хуже чем плагиат и больше чем угроза — это явный симптом разложения. Никакой свежести, диктатура штампа — на наших глазах в современной буржуазной Франции литература превращается в ремесло, требующее известного литературного багажа, овладения определенным минимумом литературных навыков. Творчества не требуется. Достаточно обладать некоторым чувством меры в подражании Золя, Мопассану, Флоберу.

Не надо, однако, думать, что литературное ремесло в буржуазной Франции принадлежит к числу легких. Оно не блещет новаторством в области формы, но требует зато крайней изощренности в подаче политического содержания. В этом легко убедиться, проследив содержание романа Перошона.

Семейная жизнь Северина складывается неудачно. Ему, что называется, «не везет»: болеет жена, часто рождаются дети, попадается скверный хозяин. Северин задумывается о выходе.

Люсьен, горожанин, случайно попавший в деревню, но далеко не случайный в романе, подсказывает Северину причину его зод:

«Вы только что спокойно сказали: таков порядок вещей, мы его не изменим? Хорош порядок, не так ли? Фермер, распластавшийся перед землевладельцем, фермер, с которого содрали столько, что он способен честно расплатиться с батраком?»

¹ Ernest Perochon, „Les creux-de-maisons“. „Humanité“, 1932, №№ 12100-12140.

Предложения Люсьена мало конкретны.

«Представьте, что все эти господа (речь идет о маркизах, сдающих в аренду землю.—Р. Б.), сосущие крестьян, скажут вдруг: Мы более не хотим сдавать свои земли. Клочок обрабатываем для себя, остальное пойдет на пропитание кузнечикам и ящерицам.—Вот была бы баня! Сильный порыв ветра, принесшийся с полей, вымел бы сорные семена».

Этот лирический призыв к «революции», прологом для которой должна была бы послужить своеобразная забастовка эксплуататоров, отказывающихся кого-либо эксплуатировать, не представляет реальной опасности для существующего буржуазного порядка.

Автор и не претендует колебать буржуазные устои. Первопричины обнищания масс он ищет в существующей системе землепользования. Его Люсьен стоит за крупное машинное хозяйство. «Я сказал вам, что в Шарантье работают меньше вас. И это понятно: за нехваткой рук, они обратились к машинам». Люсьен не ратует против эксплуатации, он стоит только за более «высокую» ее форму. Процесс пролетаризации бедняцких и маломощных середняцких слоев французской деревни кажется Люсьену недостаточным. Он стоит за ускорение капиталистических темпов, за смену мелкого землевладения — «культурным», кулацким и крупно-капиталистическим хозяйством, единственно способным выдержать в буржуазных условиях накладной производственный расход, представляемый машинами.

Ближе к разрешению вопроса о преодолении нужды подходит товарищ Северина, батрак Мофре.

«Ты не наживешься, надрываясь у Фредерика Лорьо. Ты получишь прибыль, производя на свет плутишек... На четыреста франков,—а ты не зарабатываешь четырехсот франков,—на четыреста франков разве можешь ты, к примеру, прокормить жену и двух детей? Ясно, нет. Прекрасно. Народи их дюжину... Когда ты одряхлеешь, дети избавят тебя от нищеты... Бедняк, берущий землю, еще несчастнее нас: ему больше не на что надеяться. Он убивает себя работой».

Таков второй тезис программы, развернутой в романе: мечтать надо о машине — с ней можно выполнять более легкую работу, но не надо мечтать о земле. Говоря иначе — надо примириться с фактом пролетаризации деревни и с энтузиазмом наниматься в батраки на крупные экономии, в надежде на «лучшие» условия труда.

Третий тезис программы вытекает логически из всего предшествующего: надо производить дюжинами ребятишек: есть еще экономии, в которых есть спрос на рабочие руки. Перошон призывает французскую деревню увеличивать процент прироста населения, так катастрофически сниженный рабочими больших городов, вкусившими прелести «легкого» труда машин. Французской армии нужны солдаты, французской буржуазии нужны дешевые рабочие руки и «семейная» система социального страхования, поскольку буржуазия

не собирается учреждать таковую в государственном порядке.

Один пункт может вызвать недоумения. Роман напечатан в «Юманите» в 1932 году. Существует ли хоть один буржуазный журналист, который решится сейчас, в условиях жестокого кризиса, потрясающего буржуазный мир, разрабатывать тему плодovitости и рекламировать пополнение рабочей силы? Буржуазные страны не в силах прокормить и наличный состав работоспособного населения.

Ларчик просто открывается. Обратимся к справке. Роман Перошона «В землянках» вышел в русском издании под заглавием «Бездомные» в 1926 году (ГИЗ). Отсюда можно заключить, что во французском издании он опубликован впервые, должно быть, не позднее 1925 года. Годы временной стабилизации капитализма Перошон, сей буржуазный соловей, поторопился принять за вечное лето и славословил производительную мощь капитализма, обещая на страницах своего романа верный хлеб рабочим, батракам и их поколениям на долгие годы. Жизнь разоблачила наивность его заверений.

Северин следует совету Мофре — плодить детей и питает надежду:

«Наши дети нас спасут. Они нас вырвут из этих землянок. Подумай только: шесть! Ты будешь только распоряжаться. Сколько земли-то обработаешь с такой компанией!».

Злодейка-судьба срывает блестящие планы: умирает жена, дом идет прахом.

Подтому о синем чулке — преданной маленькой дочке, ведущей дом и хозяйство, не следует принимать всерьез; она изношена до дыр в детских книжках и хрестоматийных баснях.

Северин погиб, но Мофре выбился. Он выехал с семьей из своего края на виноградники и там, судя по письму Ави Мофре, обрел обетованный рай. Автор ни словом не упоминает о причинах, заставивших прежних хозяев виноградников покинуть свои земли. Нам эти причины известны. И на этот раз Перошон набрасывает беллетристический плащ все на того же виновника зла — финансовый капитал, опутавший долгами фермера-виноградара, высосавший из его хозяйства всю прибыль. Причина запустения французских виноградников та, что мелкий землевладелец обеспечен менее, чем городской рабочий. Чудаку Мофре это непонятно. Судя по письму его сына, он никакой петлей с финансовым капиталом не связан. Довольство венчает судьбу Мофре в романе.

Мы могли бы за автора приписать к роману несколько дополнительных глав о Мофре. Аграрный кризис не миновал Франции, и, поскольку виноделие не принадлежит к единственной отрасли буржуазного «хозяйства» — к военной промышленности, — стоящей вне кризиса, можно с уверенностью утверждать, что разорены сейчас тысячи Мофре. Их голодное потомство клянет своих плодovitых отцов, если только, следуя указаниям пролетариев СССР, они не направили свой гнев по иному адресу.

Необычайная ловкость рук необходима буржуазному специалисту от литературы, чтобы

реализовать социальный заказ политического хозяина. По первому впечатлению, роман Перошона — роман «человечный» вообще, продиктованный автору его сочувствием к страждущим и угнетенным. Политики как бы нет в этом романе. Но это отсутствие политики — только ширма, которая скрывает от глаз неопытного читателя подлинное существо романа. Средство патентованное: неощутимо для пролетария-читателя в его сознание проникают буржуазные идеи. Ему внушают уважение к эксплуатации оптом против эксплуатации в розницу, ему рекомендуют, в качестве радикального средства против нужды, плодить детей, воспитывать их в нищете и голоде с тем, чтобы, через эксплуатацию детского труда, осуществляемую внутри семьи, притти к более чем проблематическому благополучию, демонстрируемому в романе судьбой Мофре, а в жизни — фактами аграрного и промышленного кризиса.

Такова буржуазная литературная рецептура; живописать действительность в тоне благородного «сочувствия» страдающим, «протестовать» против нужды во имя широко толкуемой человечности, вмещающей на равной ноге батраков и их хозяев, — и тщательно отводить удар от подлинного героя и виновника зла, от финансового капитала, властителя капиталистического мира, поставщика пролетарских житейских драм.

Она уже износилась, эта буржуазная человечность. Терминология Великой французской революции устарела. Третье сословие расчленилось на буржуазию и пролетариат. Есть ныне только одна подлинная человечность — та, что ежедневно бросает в массы лозунги пролетарской борьбы, готовя массы к решительным боям. И мы стоим за нее — за подлинную большевистскую «Юманите», не предоставляющую страниц буржуазной пропаганде.

Р. Бегак

„ребенок родился“ чарльза иэля гаррисона¹

Чарльз Иэль Гаррисон — молодой талантливый американский писатель, один из группы писателей-попутчиков, объединившихся вокруг органа революционного литературного движения САСШ «Нью мессес».

К революции, к пролетариату Гаррисон приходит из лагеря радикальной мелкой буржуазии, из той лучшей части американской интеллигенции, которая встала на позиции резкой критики капитализма и связала свои творческие пути с единственно революционным классом — пролетариатом. Гаррисон — член ньюйоркского клуба им. Джона Рида, член американской секции МОРП. Тема его второй книги «Ребенок родился» — история семьи рабочего Робертса, путь дочери Робертса Мириам к проституции, сына Артура к исправительному дому. Действие протекает в период мировой войны в рабочем квартале ньюйоркского предместья Ред Хук. Проституция, преступление, война, стачечная борьба

американского пролетариата — основные компоненты книги. Перед писателем большие социальные явления, но Гаррисон с этой тематикой не справляется, он не умеет взять действительность во всей сложности ее взаимосвязи, он разрывает эти связи, на первый план выдвигает единичное, случайное, не умеет видеть закономерности, движущие социальной жизнью.

Джошуа Харкелу, филантропу и владельцу магазина, опрос показался обидным.

Спрашивающий прижал его к стенке и сказал оскорбительным, возбужденным голосом:

М-р Харкель, как вы полагаете, ваши продавщицы могут жить на двенадцать долларов в неделю?

Филантроп холодно посмотрел на него и сказал:

— Они работают на меня только днем.

Проституция правильно понимается здесь как неизбежное следствие капиталистических условий труда, как одна из сторон капиталистической системы. В своей последней книге «Кларенс Дэрроу» (Clarence Darrow), биографии известного американского либерального адвоката и гуманиста, Гаррисон говорит:

Когда Стэндарт Ойл Компани повышает цену на керосин, я знаю, что известное количество девушек, зарабатывающих себе на жизнь шитьем и работающих на других в долгие ночные часы, будут вынуждены пойти на улицу и заняться другой профессией, и я знаю, что за это несут ответственность м-р Рокфеллер и его сподвижники, а не бедные девушки в тюрьмах.

Воплотив в художественные образы эти положения, писатель мог бы отразить данное явление во всей его полноте, мог бы сделать книгу обвинительным актом против капитализма.

Но, вместо того чтобы показать социальную обусловленность проституции при капитализме, Гаррисон в раскрытии образа Мириам становится на ложную дорогу. Он выбирает исключительную ситуацию: девочка отдается старику-лавочнику за конфеты, что не дает ему возможности раскрыть явление в его типическом, закрывает путь к обобщению. Гаррисон наделяет Мириам чертами бунтарства и создает часто встречающийся в мелкобуржуазной литературе романтический образ проститутки. В основе этого «бунта», приводящего Мириам к проституции, лежат чисто биологические причины.

— Маргарет была испугана буйной копной рыжих волос Мириам и ее пристальным напряженным взглядом. Кончики развивающихся грудей Мириам робко выдавались из-под ее тонких ситцевых платьев. В походке девочки была развязность, которая беспокоила мать. Даже тяжелая рука отца не могла подавить пылающей мятежности Мириам.

Если быть последовательным, то очевидно, по Гаррисону, и под сенью коммунистического общества будет мирно процветать проституция! Разве при коммунизме у девушек не будет сверкающих рыжих волос, и разве

¹ Charles Jale Harrison „A child is born“ by. 132